

ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ИСКАМ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА

И. А. Кузнецова^{1,2}, a76.ikuznetsova@arbitr.ru

Д. А. Колесников¹, denis_kolesnikov_1@mail.ru

¹Арбитражный суд Челябинской области, г. Челябинск, Россия,

²Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В статье раскрывается эволюция нормативного и правоприменительного подходов по вопросу привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника. Затрагиваются проблемы доказательственного процесса по данной категории споров, связанные прежде всего с распределением бремени доказывания между сторонами.

Освещается трансформация судебной практики, сводящаяся к отходу от презумпции добросовестности ответчика к презумпции вины в условиях исключения контролируемого им общества из Единого государственного реестра юридических лиц. Наряду с изложенным также затрагивается вопрос о границах судебной дискреции по данной категории споров, о роли суда в вопросе установления объективной истины по делу, в том числе в условиях пассивного (безынициативного) поведения ответчика. Отмечается преобладающая роль судебной практики, значимость Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации в вопросах ее гармонизации и унификации. Освещается практическое значение института субсидиарной ответственности контролирующих лиц исключенного из государственного реестра общества-должника, в том числе применительно к современным экономическим реалиям и правилам ведения бизнеса.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, контролирующее лицо, недееспособное юридическое лицо, презумпция добросовестности, презумпция вины причинителя вреда, доказательственный процесс, распределение бремени доказывания.

Для цитирования: Кузнецова И. А., Колесников Д. А. Особенности распределения бремени доказывания по искам о привлечении к субсидиарной ответственности: трансформация правоприменительного подхода // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 1. С. 61–71. DOI: 10.14529/law230109.

Original article
DOI: 10.14529/law230109

FEATURES OF THE DISTRIBUTION OF THE BURDEN OF PROOF ON CLAIMS FOR SUBSIDIARY LIABILITY: TRANSFORMATION OF THE LAW ENFORCEMENT APPROACH

I. A. Kuznetsova^{1,2}, a76.ikuznetsova@arbitr.ru

D. A. Kolesnikov¹ denis_kolesnikov_1@mail.ru

¹Arbitration Court of the Chelyabinsk region, Chelyabinsk, Russia,

²South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article reveals the evolution of regulatory and law enforcement approaches to the issue of bringing the debtor's controlling persons to subsidiary liability. The problems of the evidentiary process in this category of disputes are touched upon, primarily related to the distribution of the burden of proof between the parties.

The article highlights the transformation of judicial practice, which amounts to a departure from the presumption of good faith of the defendant to the presumption of guilt in the conditions of exclusion of the company controlled by him from the Unified State Register of Legal Entities. Along with the above, the question of the limits of judicial discretion in this category of disputes, the role of the court in establishing the objective truth in the case, including in the conditions of passive (non-initiative) behavior of the defendant, is also touched upon. The predominant role of judicial practice, the importance of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation in matters of its harmonization and unification is noted. The practical significance of the institution of subsidiary liability of controlling persons excluded from the state register of the debtor company, including in relation to modern economic realities and business rules, is consecrated.

Keywords: subsidiary liability, controlling person, invalid legal entity, presumption of good faith, presumption of guilt of the harm-doer, evidentiary process, burden of proof distribution.

For citation: Kuznetsova I. A., Kolesnikov D. A. Features of the distribution of the burden of proof on claims for subsidiary liability: transformation of the law enforcement approach. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2023, vol. 23, no. 1, pp. 61–71. (in Russ.) DOI: 10.14529/law230109.

К числу базовых принципов арбитражного судопроизводства относится принцип состязательности сторон, одним из основных процессуальных выражений которого является обязанность доказывания.

В соответствии с ч. 1 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. Данная норма, представляющая собой следствие волевой и диспозитивной природы гражданских правоотношений, имеет важное практическое значение, являясь универсальным правилом института доказывания. В этой же связи в исковом заявлении должны быть обязательно указаны требования истца к ответчику со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты, а к исковому заявлению – приложены документы, подтверждающие обстоятельства, на которых истец основывает свои требования (п. 4 ч. 1 ст. 125, п. 3 ч. 1 ст. 126 АПК РФ).

Исходя из содержания вышеуказанных норм, можно также прийти к выводу о том, что отсутствие у заявителя доказательств, достаточных для формулирования судом выводов о правомерности исковых требований, приводит к невозможности их удовлетворения. По крайней мере, в ст. 168 АПК РФ вопрос оценки доказательств и доводов, приведенных лицами, справедливо отнесен законодателем к числу приоритетных при принятии

судебного акта. И если многочисленная судебная практика свидетельствует о том, что ссылка истца на не подлежащие применению нормы права не является основанием для отказа в удовлетворении иска (например, п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»; ответ на вопрос № 2 разъясненный по вопросам, возникающим в судебной практике Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016)), то процессуальная безынициативность сторон в условиях недостаточной доказательственной базы не может быть в полной мере компенсирована судебной дискрецией.

В то же время, отображенная в ч. 1 ст. 65 АПК РФ формула «довод – обоснование», хотя и является общей, не может считаться универсальной, поскольку специфика дел по отдельным категориям споров не исключает иного распределения бремени доказывания.

При этом следует отметить, что АПК РФ нормативно определяет лишь одно исключение из правил доказывания. Так, согласно той же ч. 1 ст. 65 АПК РФ обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия государственными органами, органами местного самоуправления, иными органами, должностными лицами оспариваемых актов, решений, совершения действий (бездействия), возлагается на соответствующие орган или должностное лицо. Данное ис-

ключение конкретизируется в ч. 3 ст. 189, ч. 6 ст. 194, ч. 5 ст. 200, ч. 5 ст. 205, ч. 4 ст. 210, ч. 4 ст. 215 АПК РФ. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), принятый 8 марта 2015 г., определил обязанность доказывания менее категорично: лица, участвующие в деле, обязаны доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований или возражений, если иной порядок распределения обязанностей доказывания по административным делам не предусмотрен настоящим Кодексом (ч. 1 ст. 62 КАС РФ).

На практике иное распределение бремени доказывания имеет место далеко за пределами споров, предполагающих субординационное положение сторон. К числу таких примеров могут быть отнесены, в частности, споры о привлечении к субсидиарной ответственности руководителей и участников организаций, исключенных из Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ).

Институт субсидиарной ответственности, безусловно, не является новым. Так, уже первая редакция части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержала ст. 399, которая до настоящего времени озаглавлена как «Субсидиарная ответственность».

Конституционным Судом Российской Федерации также неоднократно отмечалось, что федеральный законодатель призван обеспечивать правовую определенность, стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, поддерживая как можно более высокий уровень взаимного доверия между субъектами экономической деятельности и создавая все необходимые условия для эффективной защиты гарантированного ст. 35 Конституции Российской Федерации права собственности и иных имущественных прав (например, Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова», Постановление Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 21, ч. 2 ст. 22 и ч. 4 ст. 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М. Л. Ростовцева»).

В этой связи в условиях активного создания в России делового, инвестиционного климата и установления как его неотъемлемой части честных и открытых правил ведения бизнеса понятие субсидиарной ответственности стало активно внедряться в содержательную сущность корпоративных правоотношений. Следует отметить, что данный процесс, безусловно, позитивно сказался на хозяйственной практике, поскольку, дисциплинируя участников экономической деятельности, государство, по сути, способствует трансформации предприимчивых дельцов в ответственных коммерсантов.

В то же время, как справедливо выразился Ш. Монтескье, «когда я собираюсь ехать в какую-либо страну, я не смотрю, какие там законы; я смотрю на то, как они там реализуются». Иными словами, декларация права, лишенная механизма его воплощения, не представляет собой какой-либо аксиологической и прагматичной нагрузки. Возможно, именно поэтому конкретизация права на защиту собственности применительно к сфере субсидиарной ответственности получила свое нормативное воплощение.

Так, Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» в ГК РФ была добавлена ст. 53.1 «Ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица». Федеральным законом от 28 декабря 2016 г. № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – закон об ООО) была дополнена п. 3.1, посвященным вопросам субсидиарной ответственности по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ юридического лица.

Вышеуказанные нормы оказали значительное влияние на разрешение не только корпоративных, но и общехозяйственных споров, когда безучастный к внутренним проблемам контрагента кредитор лишь справедливо желает удовлетворить свой имущественный интерес.

На деле реализация положений о субсидиарной ответственности до настоящего времени не может считаться определенной и категоричной. Можно предположить, что упомянутый институт еще находится на заре своего развития, и ведущую роль в его внедрении в правовую систему занимает не столько законодательная, сколько судебная власть. При этом выводы судебной практики по делам о привлечении к субсидиарной ответственности также лишь относительно недавно стали приобретать некоторую консенсуальную системность.

Применительно же к предмету исследования настоящей статьи можно сказать, что вопрос распределения бремени доказывания по данной категории дел в различные временные периоды разрешался судами по-разному. Представляется, что эволюция данного подхода в общих чертах представляла собой два параллельных и взаимосвязанных компонента, а именно:

- смещение вектора доказывания недобросовестного поведения контролирующего лица к опровержению им такого поведения, которое в условиях исключения организации из ЕГРЮЛ, стало предполагаться;

- активизация роли суда в содействии сбору доказательств для выяснения объективной истины по делу.

С позиции временной периодизации видение судами доказательственного процесса по делам о привлечении к субсидиарной ответственности возможно разделить на следующие периоды:

- до вступления в силу положения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО;

- с момента вступления в силу положения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО до вынесения Постановления Конституционного Суда РФ от 21 мая 2021 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г. В. Карпук» (далее – Постановление № 20);

- с момента вынесения Постановления № 20 по настоящее время.

Первый период характеризуется начальным состоянием механизма привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности и отсутствием для этого специальных норм права. Институт субсидиарной ответственности на данном этапе воспри-

нимается, скорее, как элемент реализации прав кредитора еще действующего, но уже несостоятельного общества – общества банкрота. Так, еще до введения в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) главы III.2 («Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве») было установлено право конкурсного управляющего предъявлять требования к третьим лицам, которые в соответствии с федеральным законом несут субсидиарную ответственность по обязательствам должника (ч. 5 ст. 129 Закона о банкротстве), в том числе в связи с доведением его до банкротства (ст. 143 Закона о банкротстве); в ст. 189.6, 189.12 упомянутого закона была установлена солидарная субсидиарная ответственность членов кредитного кооператива, кредитной организации.

Привлечение же контролирующих лиц исключенной из ЕГРЮЛ организации по общегражданским спорам, то есть вне рамок дела о банкротстве, осуществлялось на основании общих правил ст. 10, 15, гл. 59 ГК РФ ввиду их относительной универсальности.

Необходимо отметить, что общность правового режима взыскания субсидиарной задолженности и задолженности, связанной с возмещением вреда, также подчеркивалась Верховным Судом Российской Федерации (п. 22 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июня 2020 г.; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 июля 2020 г. № 305-ЭС19-17007(2)).

Приведем примеры из судебной практики. Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд, отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя иски требования, отметил, что положения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО к имеющим место правоотношениям по возмещению ущерба, возникшим в 2012 году, а также имевшим место правонарушениям в период до 28 июня 2017 г. (вступления в силу названного закона), применены быть не могут. Вместе с тем указанное не исключает возможности применения общих положений, регулирующих вопросы взыскания убытков ст. 15, 53.1, 1064 ГК РФ, которые действовали в период длящегося правонарушения (постановление Восемнадцатого арбитражного апе-

ляционного суда от 20 марта 2019 г. № 18-АП-2190/2019 по делу № А76-20349/2018).

Семнадцатый арбитражный апелляционный суд, оценивая доводы апелляционной жалобы и оставляя в силе решение суда первой инстанции, также констатировал, что оснований для неприменения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО у суда первой инстанции не имелось. При этом учитывая направленность материально-правового интереса истца, апелляционный суд указал, что заявленные истцом в настоящем споре требования к ответчику могли быть разрешены на основании правил о возмещении убытков (ст. 15, 1064 ГК РФ) (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2020 г. № 17АП-5846/2020(1)-АК по делу № А50-23100/2019).

Отменяя судебные акты нижестоящих судов и направляя дело на новое рассмотрение, Арбитражный суд Поволжского округа отметил, что долг, возникший из субсидиарной ответственности, подчинен тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда имуществу участников оборота, а, по общему правилу, лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, лишь если докажет, что вред причинен не по его вине (постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 5 октября 2021 г. № Ф06-9643/2021 по делу № А12-1753/2021).

Аналогичный подход отображен и в ряде других судебных актов, которые вместе с тем, скорее, являлись исключением. Например, решение Арбитражного суда Волгоградской области от 11 июня 2020 г. по делу № А12-8/2020, постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 сентября 2020 г. № 17АП-1661/2020(1)-АК по делу № А50-13835/2019. В целом же судебная практика по делам о привлечении к субсидиарной ответственности носила отказной характер, базирующийся на тезисе о ее нетипичности, презумпции предпринимательского риска и невозможности ретроспективного применения гражданского законодательства.

Так, судами указывалось, что, учитывая экстраординарный характер субсидиарной ответственности, то есть то, что она является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов, истец не может быть освобожден от бремени обоснования своего иска в той степени, в которой такое обоснование ему доступно. (например, постановление Восьмого арбитражного апелляци-

онного суда от 8 августа 2022 г. № 08АП-5553/2022 по делу № А75-17317/2021). Аналогичные выводы содержатся, в частности, в постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 20 октября 2020 г. № 08АП-7808/2020 по делу № А46-22285/2019, постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 июля 2021 г. № 13АП-17276/2021 по делу № А56-94495/2020 (постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 8 декабря 2021 г. № Ф07-16422/2021 данное постановление оставлено без изменения).

Арбитражным судом Дальневосточного округа было указано, что негативные последствия, наступившие для юридического лица и его контрагента по сделке, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) участника и руководителя юридического лица, так как возможность возникновения таких последствий сопутствует рисковому характеру предпринимательской деятельности (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 января 2020 г. № Ф03-6025/2019 по делу № А73-9726/2019 (Определением Верховного Суда РФ от 1 июня 2020 г. № 303-ЭС20-6866 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

Тожественный вывод отображен и в ряде других судебных актов (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16 ноября 2021 г. № Ф08-11832/2021 по делу № А32-19895/2020 (Определением Верховного Суда РФ от 18 апреля 2022 г. № 308-ЭС22-834 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления); постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28 сентября 2021 г. № Ф10-4093/2021 по делу № А54-5823/2020; постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2018 г. № 01АП-9658/2018 по делу № А79-9976/2018 (постановлением Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25 июня 2019 г. № Ф01-1507/2019 данное постановление оставлено без изменения)) и, очевидно, является следствием применения п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного

Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», а также определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2020 г. № 307-ЭС20-180 по делу № А21-15124/2018, где было указано в том числе на принципы ограниченной ответственности и защиты делового решения.

Определенные изменения в исследовании данной категории дел, условно обозначенные нами как второй этап, наметились после вступления в силу положений п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, а именно 30 июля 2017 г. При этом указанные изменения также возымели разноплановый и подчас диаметрально противоположный характер. Так, с одной стороны, данная норма конкретизировала положения о субсидиарной ответственности контролирующих лиц исключенного из ЕГРЮЛ общества и, как следствие, послужила дополнительным правовым обоснованием исковых требований. С другой стороны, 30 июля 2017 г. стало своеобразной чертой, до которой правовые последствия действий и бездействия контролирующих лиц были фактически нивелированы, что затрудняло механизм защиты.

Указанное противоречие, на наш взгляд, явилось следствием разного восприятия п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, когда для одних судов он стал иметь лишь конкретизирующее значение, а для других – установил новые основания для привлечения к субсидиарной ответственности.

Например, оставляя без изменения решение суда первой инстанции, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд применительно к институту субсидиарной ответственности указал, что запрет на применение новелл к ранее возникшим обстоятельствам (отношениям) не действует, если такие обстоятельства, хоть и были впервые поименованы в законе, но по своей сути не ухудшают положение лиц, а являются изложением ранее выработанных подходов, сложившихся в практике рассмотрения соответствующих споров (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 апреля 2022 г. № 17АП-7248/2020(3)-АК по делу № А60-7537/2020).

С другой стороны, направляя дело на новое рассмотрение, Арбитражный суд Москов-

ского округа отметил, что суду первой инстанции необходимо проверить доводы и возражения сторон, всесторонне, полно, объективно исследовать фактические обстоятельства по делу, в том числе возможность применения к спорным правоотношениям положений п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, которым установлены новые основания привлечения лица к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица, ранее не предусмотренные законодательством Российской Федерации (постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 августа 2022 г. № Ф05-20412/2022 по делу № А41-50757/2021).

Указанную позицию, к примеру, также разделили Первый, Шестой, Восьмой, Девятый, Десятый и другие арбитражные апелляционные суды (постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2021 г. № 01АП-437/2021 по делу № А43-51498/2019; постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 9 февраля 2021 г. № 06АП-6260/2020 по делу № А73-11730/2020; постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28 января 2020 г. № 08АП-16105/2019 по делу № А46-13543/2018; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 июня 2022 г. № 09АП-23470/2022 по делу № А40-238144/2021; постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 24 октября 2022 г. № 10АП-20901/2022 по делу № А41-92454/2021).

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2021 г. № 20-КГ21-6-К5 дело было направлено на новое апелляционное рассмотрение, поскольку вменяемые налоговым органом действия имели место до вступления в законную силу п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО.

Таким образом, большинство исков по данной категории споров носило отказной характер. При этом, как правило, в обоснование отказа суды указывали, что:

– истцом не была опровергнута презумпция добросовестности ответчика как участника гражданских правоотношений;

– истец не направлял в налоговый орган заявление о том, что его права и законные интересы затрагиваются в связи с предстоящим исключением недействующего юридического

лица из ЕГРЮЛ, не обжаловал решение налогового органа об исключении недействующего лица из ЕГРЮЛ;

– истец не инициировал процедуру банкротства общества-должника;

– наличие непогашенной задолженности обуславливается предпринимательским риском, а в отношении ответчика применяется принцип защиты делового решения.

Здесь также следует отметить позицию Верховного Суда Российской Федерации, указавшего, что само по себе исключение юридического лица из реестра в результате действий (бездействия), которые привели к такому исключению (отсутствие отчетности, расчетов в течение долгого времени), не является достаточным основанием для привлечения к субсидиарной ответственности в соответствии с ч. 3.1 ст. 3 Закона об ООО (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2020 г. № 307-ЭС20-180 по делу № А21-15124/2018).

Согласно подходу, изложенному в постановлениях Президиума ВАС РФ от 25 мая 2010 г. № 15658/09, от 20 апреля 2010 г. № 18162/09, от 12 февраля 2008 г. № 12 210/07, проявление надлежащей осмотрительности предполагает, что при выборе контрагента субъекты предпринимательской деятельности, как правило, оценивают не только условия сделки и их коммерческую привлекательность, но и деловую репутацию, платежеспособность контрагента, риск неисполнения обязательств и предоставление обеспечения их исполнения, наличие у контрагента необходимых ресурсов (производственных мощностей, технологического оборудования, квалифицированного персонала) и соответствующего опыта; а при совершении значимых сделок, например, по поводу дорогостоящих объектов недвижимости, изучают историю взаимоотношений предшествующих собственников и принимают тому подобные меры.

В этой связи одним из оснований отказа также являлась оценка действий самого взыскателя через призму концепции «Due Diligence» (должная добросовестность), предполагающей, в частности, составление объективного представления об объекте инвестирования, оценку инвестиционных рисков, всестороннее исследование деятельности компании-контрагента, комплексную проверку ее

финансового состояния и положения на рынке.

Однако в мае 2021 года порядок рассмотрения дел о привлечении к субсидиарной ответственности вновь был подвержен значительной трансформации, в основу которой легли выводы Конституционного Суда РФ, изложенные в Постановлении № 20.

Так, Конституционный Суд РФ обратил внимание на то обстоятельство, что ряд корпоративных обязанностей участников обществ непосредственно связан с завершением деятельности организации, предполагающей в том числе обеспечение интересов ее кредиторов. Кроме того, было отмечено, что реализация права на возмещение убытков на основании п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО не находится в эксплицитной зависимости от факта инициирования процедуры банкротства общества-должника.

При этом доказывание обусловленности причиненного вреда поведением контролирувавших должника лиц заведомо влечет неравенство процессуальных возможностей истца и ответчика, так как от истца требуется предоставление доказательств, о самом наличии которых ему может быть неизвестно в силу его невовлеченности в корпоративные правоотношения.

С учетом изложенного Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что новое положение Закона об ООО содержит предположение (презумпцию), что именно бездействие контролирующих лиц исключенной из ЕГРЮЛ организации привело к невозможности исполнения обязательств перед истцом – кредитором общества, пока на основе фактических обстоятельств дела не будет доказано иное. При этом на возможность опровержения данной презумпции указывают права ответчика на дачу пояснений относительно причин исключения общества из государственного реестра и представление доказательств правомерности своего поведения. В то же время в случае отказа от дачи пояснений (в том числе при неявке в суд) или их явной неполноты, непредоставления ответчиком суду соответствующей документации бремя доказывания правомерности действий контролировавших общество лиц и отсутствия причинно-следственной связи между указанными действиями и невозможностью исполнения обязательств перед кредиторами возлагается судом на ответчика.

Таким образом, сам по себе факт исключения общества-должника из ЕГРЮЛ уже стал предполагать недобросовестность и неразумность действий его контролирующих лиц и, как следствие, виновность в причинении убытков кредиторам общества. Указанное же, как представляется, круто повернуло доказательственный процесс, обусловив применение положений ч. 1 ст. 65 АПК через призму презумпции вины причинителя вреда (п. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 ГК РФ).

Более того, во избежание у судов каких-либо сомнений Конституционный Суд РФ указал, что сформулированные им выводы носят универсальный характер, не исключая применение подхода о распределении бремени доказывания в случаях, когда кредитором выступает иной субъект, нежели физическое лицо. Данное разъяснение было также дано в Определении Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2021 г. № 2358-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Урал-Щебень» на нарушение его конституционных прав пунктом 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Отменяя судебные акты трех инстанций и направляя дело на новое рассмотрение, судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации признала ошибочным утверждение суда округа о том, что правовые позиции, изложенные в Постановлении № 20-П, подлежат применению только, если кредитором должника является физическое лицо, поскольку такой вывод противоречит содержанию решений Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление № 20, определение от 11 ноября 2021 г. № 2358-О), суть которых состоит не в ограничении как таковой возможности применения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО к обязательствам кредиторов, возникшим из осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности, а в установлении особых правил определения предмета доказывания и распределения бремени доказывания в тех ситуациях, когда необходимо обеспечить защиту экономически слабой стороны оборота – граждан (потребителей) (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2022 г.

№ 305-ЭС22-11632 по делу № А40-73945/2021).

Позиция Конституционного Суда РФ была быстро воспринята судами различных инстанций и в первые месяцы послужила основанием для отмены ряда судебных актов. Например, со ссылкой на Постановление № 20 Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд 9 августа 2021 г. отменил решение суда первой инстанции, удовлетворил требование о привлечении ответчика к субсидиарной ответственности и взыскал с него убытки (постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 августа 2021 г. № 18АП-4869/2021 по делу № А76-33669/2020 (постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 24 декабря 2021 г. № Ф09-9220/21 данное постановление оставлено без изменения)). По той же причине были отменены решения суда по делам № А07-27270/2020 (постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 июня 2022 г. № 18АП-4285/2022 по делу № А07-27270/2020), № А60-65315/2020 (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 декабря 2021 г. № 17АП-9420/2021(1)-АК по делу № А60-65315/2020), № А66-8612/2020 (постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 апреля 2022 г. № 14АП-617/2022 по делу № А66-8612/2020 (постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 сентября 2022 г. № Ф07-12403/2022 данное постановление оставлено без изменения), и многим другим.

В постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 сентября 2022 г. № 17АП-6305/2022(1)-АК по делу № А71-6048/2021 было прямо отмечено, что арбитражный суд неправильно распределил бремя доказывания, что привело к принятию ошибочного судебного акта в части отказа в привлечении к субсидиарной ответственности ответчика.

Пятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 1 июля 2022 г. № 05АП-2720/2022 по делу № А24-455/2022 также указал, что вывод суда первой инстанции о возложении бремени доказывания на истца признается судебной коллегией неверным, бремя доказывания правомерности действий контролировавших общество лиц и отсутствия причинно-следственной связи между указанными действиями и невозможностью испол-

нения обязательств перед кредиторами возлагается судом на ответчика.

На недопустимость переложения на истца бремени доказывания недобросовестного поведения и неразумности действий ответчика указано также в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2022 г. № 44-КГ22-2-К7, 2-4469/2020.

Таким образом, можно заключить, что начиная с мая 2021 года шансы кредиторов получить денежное возмещение с недобросовестных должников в порядке субсидиарной ответственности значительно увеличились, что прежде всего предопределилось унификацией требований к доказательственному процессу. Вместе с тем определенные исключения прослеживаются до настоящего времени. Например, в постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 22 июля 2021 г. № 10АП-12471/2021 по делу № А41-6053/2021 (постановлением Арбитражного суда Московского округа от 6 ноября 2021 г. № Ф05-24679/2021 данное постановление оставлено без изменения; определением Верховного Суда РФ от 14 января 2022 г. № 305-ЭС21-26400 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления), постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2022 г. № 13АП-36568/2022 по делу № А56-37695/2022, постановлении Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июля 2022 г. № 16АП-2192/2022 по делу № А63-15162/2021 (постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 октября 2022 г. № Ф08-11532/2022 данное постановление оставлено без изменения) было отмечено, что бремя доказывания недобросовестности либо неразумности действий органов юридического лица, участников возлагается на лицо, требующее привлечения указанных лиц к ответственности, то есть в рассматриваемом случае на истца.

При этом представляется, что Конституционный Суд РФ своим постановлением в целом гармонизировал институт ответственности контролирующих организации лиц, поскольку предложенный им подход в сущности уже применялся при рассмотрении корпоративных и банкротных споров.

Так, в п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» было отмечено, что в случае отказа директора от дачи пояснений или их явной неполноты бремя доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно может быть возложено судом на директора.

В п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» также указано, что, если арбитражный управляющий и (или) кредиторы с помощью косвенных доказательств убедительно обосновали утверждения о наличии у привлекаемого к ответственности лица статуса контролирующего и о невозможности погашения требований кредиторов вследствие действий (бездействия) последнего, бремя опровержения данных утверждений переходит на привлекаемое лицо, которое должно доказать, почему письменные документы и иные доказательства арбитражного управляющего, кредиторов не могут быть приняты в подтверждение их доводов, раскрыв свои документы и представив объяснения относительно того, как на самом деле осуществлялась хозяйственная деятельность.

Таким образом, нечестная реализация корпоративных прав, выраженная в том числе в самоустранении от ликвидации обществ с ограниченной ответственностью с имеющимися долгами с течением времени привела к появлению относительно действенного инструмента защиты в виде иска о привлечении контролирующих лиц исключенного из ЕГРЮЛ должника к субсидиарной ответственности.

Указание же на относительную действенность данного инструмента, равно как и института субсидиарной ответственности в целом, призвано подчеркнуть то обстоятельство, что до настоящего времени работа в данном направлении не является завершенной, хотя вектор ее развития уже определенно задан. Одним из подтверждений данного тезиса является, в частности, вопрос о границах судебской дискреции при рассмотрении упомянутой категории споров.

Так, согласно правовой позиции, изло-

женной в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 июля 2011 г. № 5256/11, по делам, рассматриваемым в порядке искового производства, обязанность по собиранию доказательств на суд не возложена. В соответствии с правовой позицией, изложенной в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 октября 2013 г. № 8127/13 по делу № А46-12382/2012, суд не может исполнять обязанность ответчика по опровержению представленных доказательств. По смыслу ст. 9, 65 АПК РФ обязанность по собиранию доказательств возложена на стороны спора, тогда как суд лишь создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств.

В то же время Верховным Судом Российской Федерации ранее отмечалось, что существо спора является фактором, могущим определять границы судебной дискреции. Например, в п. 17 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2018 г.) было отмечено, что в отличие от рассмотрения обычного судебного спора проверка обоснованности и размера требований кредиторов предполагает большую активность самого суда.

Схожий подход стал проявляться и при рассмотрении дел о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, что, как представляется, обуславливается их смешанной гражданско-правовой природой, когда правомерность материального требования также обуславливается степенью заботливости и добросовестности ответчика, с которыми он должен реализовывать свои корпоративные права.

В этой связи, отменяя судебные акты нижестоящих судов, Арбитражный суд Центрального округа указал, что суды ограничились формальным отзывом ответчика, не предлагая представить пояснения относительно причин исключения общества из ЕГРЮЛ и доказательства правомерности своего поведения как руководителя, что противоречит правовой позиции о распределении бремени доказывания соответствующих обстоятельств, отраженной в постановлении Конституционного Суда РФ (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 июня 2021 г. № Ф10-2185/2021 по делу № А83-12834/2020)

В свою очередь, принимая аналогичное решение, Арбитражный суд Уральского округа в постановлении от 25 мая 2022 г. № Ф09-2335/22 по делу № А60-7711/2021 отметил, что стандарты доказывания дифференцируются по степени строгости в зависимости от положения утверждающего лица в спорном правоотношении, влияющего на фактическую возможность собирания доказательств, в целях выравнивания этих возможностей обеих сторон, а также защиты публичных интересов. В случаях, когда процессуальные возможности участвующих в деле лиц заведомо неравны, цели справедливого, состязательного процесса достигаются перераспределением судом между сторонами обязанности по доказыванию значимых для дела обстоятельств.

Таким образом, следует прийти к выводу о том, что специфика споров по делам о привлечении контролирующих лиц исключенного из ЕГРЮЛ должника к субсидиарной ответственности предполагает более активное участие суда в распределении бремени доказывания, а равно формировании доказательственной базы по делу с целью установления объективной истины, необходимой для правильного рассмотрения дела в том числе в случае пассивного процессуального поведения ответчика. При этом, как представляется, такие меры, по сути, могли бы отвечать интересам обеих сторон, обеспечивая возможность формулировать правовую позицию со ссылкой на конкретные доказательства и факты хозяйственной жизни предприятия.

В то же время следует отметить, что в силу особенностей привлечения контролируемых должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам общества необходимо сохранять определенный баланс между интересами кредиторов и должника, не делая суд наиболее активным субъектом поиска и исследования доказательств. Например, в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 2 декабря 2020 г. № Ф09-7520/20 по пересмотру в кассационном порядке решения по иску о привлечении к субсидиарной ответственности суд указал, что поскольку никаких ходатайств об истребовании в судебном порядке соответствующих доказательств (банковских выписок о движении денежных средств по счетам должника, отчетной документации должника и т.п.) кредитор не заявлял, суды обосновано пришли к выводам о недоказанности материалами дела наличия в

данном случае причинно-следственной связи между исключением должника из ЕГРЮЛ и неисполнением должником обязательств перед кредитором.

Обобщая все вышеизложенное, отметим, что в настоящее время в Российской Федерации действует и активно применяется институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц исключенного из ЕГРЮЛ должника. При этом усилиями правоприменительной практики, нашедшими прежде всего свое отображение в актах судов высшей инстан-

ции, осуществляется его постоянная корректировка, затрагивающая такие важные аспекты, как предмет и бремя доказывания, границы судебной дискреции, презумпции добросовестности и виновности. Работа судов в этой направлении, безусловно, не является одномоментной, но ее влияние на процесс ведения предпринимательской деятельности, становления благоприятного инвестиционного климата и повышения уровня защищенности экономических прав субъектов гражданско-правовых отношений уже является очевидным.

Информация об авторах

Кузнцова Инна Александровна, кандидат юридических наук, судья, председатель судебного состава Арбитражного суда Челябинской области, доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

Колесников Денис Александрович, помощник судьи Арбитражного суда Челябинской области, Россия.

Information about the authors

Inna A. Kuznetsova, Candidate of Law, Judge, Chairman of the judicial composition of the Arbitration Court, Chelyabinsk Region, Associate Professor of the Department of Judicial and Law Enforcement, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

Denis A. Kolesnikov, is an assistant judge of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region, Russia.

*Поступила в редакцию 19 января 2023 г.
Received 19 January 2023.*